

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ДЕРЖАВНЫЙ СИРОТА	5
Глава 1. НЕЗАКОННЫЙ РАЗВОД	5
Глава 2. МОЛИТВЕННЫЙ ПЛОД	18
Глава 3. ОТЦОВСКОЕ НАСЛЕДСТВО	28
Глава 4. СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ III	37
Глава 5. РАЗНОБОЯРЩИНА	45
Глава 6. ВОСПИТАНИЕ	58
Глава 7. ВОЦАРЕНИЕ И ЖЕНИТЬБА	64
Часть вторая. БЕЛАЯ ОПРИЧНИНА	81
Глава 1. МОСКОВСКИЙ ПОЖАР	81
Глава 2. «ПЛЕНЕННЫЙ ЦАРЬ»	85
Глава 3. УСТРОЕНИЕ ПРАВДЫ	104
Глава 4. КАЗАНЬ: ПЕРВЫЕ ПОДСТУПЫ	124
Глава 5. ПОКОРЕНИЕ КАЗАНИ И АСТРАХАНИ	139
Глава 6. МЯТЕЖ У ЦАРСКОЙ ПОСТЕЛИ	178
Глава 7. ЛИВОНИЯ ИЛИ КРЫМ?	192

Глава 8. НАЧАЛО ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ	211
Глава 9. ПАДЕНИЕ ЛИВОНСКОГО ОРДЕНА.....	229
Глава 10. РАЗРЫВ С СИЛЬВЕСТРОМ И АДАШЕВЫМ.....	249
Часть третья. ЧЕРНАЯ ОПРИЧНИНА	260
Глава 1. VITA NUOVA.....	260
Глава 2. КРУГОМ ИЗМЕНА.....	272
Глава 3. КНЯЗЬ КУРБСКИЙ.....	281
Глава 4. ОПРИЧНОЕ СИТО	306
Глава 5. ЧУДОВИЩЕ ИЛИ ЧЕЛОВЕК?.....	335
Глава 6. ЦАРЬ И СВЯТОЙ.....	368
Глава 7. НОВГОРОДСКИЙ ПОХОД.....	392
Глава 8. УГРОЗА ИЗ СТЕПИ	422
Часть четвертая. ПОСЛЕДНИЕ СПОЛОХИ ГРОЗЫ.....	445
Глава 1. ГОСУДАРЕВ «ДВОР» И МОСКОВСКИЙ «УДЕЛ» ИВАНЦА ВАСИЛЬЕВА.....	445
Глава 2. ПОЛЬСКОЕ БЕСКОРОЛЕВЬЕ	462
Глава 3. ОКОНЧАНИЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ	478
Глава 4. ГИБЕЛЬ ЦАРЕВИЧА ИВАНА. ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНИТЬБА. СМЕРТЬ.....	527

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

А. С. Пушкин. Борис Годунов

Часть первая ДЕРЖАВНЫЙ СИРОТА

С самого рождения каждого человека природа как бы предопределяет меру его добродетелей и пороков.

Ларошфуко. Максимы

Глава 1. НЕЗАКОННЫЙ РАЗВОД

Уж что это у нас на Москве приуныло.
Заунывно в большой колокол звонили!
Уж как царь на царицу прогневился,
Он ссылает царицу с очей долой,
Как во тот ли город во Суздаль,
Как в тот ли монастырь во Покровский...

Русская народная песня

В августе 1505 года Москва была приятно взбудоражена необычным зрелищем: что ни день со всех концов русской земли съезжались в столицу — десятками, сотнями — девки, отборные красавицы, знатные и незнатные, дочери князей, бояр, дворян и детей боярских; сообразно своему достоинству и ехали — кто в богато убранной упряжке, а кто на простых дрогах. Москвичи толпились на улицах, обсуждали девичьи

стали, бойкие молодые парни выкрикивали озорные словечки, свистели и улюлюкали вслед; девки рдели маковым цветом.

Девицы эти — числом до полутора тысяч — были вызваны в столицу по приказу великого государя Ивана III Васильевича, для того чтобы сын его, соправитель и наследник великокняжеского престола Василий, мог выбрать себе из них супругу.

Первый русский самодержец великий князь Иван III Васильевич, прозванный историками *Великим*, а в народе *Грозным*, был человек крутого нрава — мог снять голову знатному боярину просто за то, что тот «умничает». В последние годы жизни особа его приобрела в глазах подданных почти божественное величие. Женщины, говорят, падали в обморок от его гневного взгляда; придворные под страхом опалы должны были развлекать его в часы досуга, а если посреди этого тяжелого веселья ему случалось задремать в креслах, все кругом замирали — иногда на целые часы, не смея кашлянуть или размять затекшие члены, чтобы, не дай бог, не разбудить великого государя.

Венец и бармы Мономаха Иван Васильевич полагал равными по достоинству королевской и даже императорской коронам. Женившись сам вторым браком на племяннице последнего византийского императора Константина Палеолога, царевне Софье, он и детям своим подыскивал женихов и невест царского происхождения: женил старшего сына Ивана на дочери молдавского господаря, а дочь Елену выдал за великого князя литовского Александра, ставшего впоследствии польским королем.

После внезапной смерти старшего сына государь, погоревав, объявил было престолонаследником его сына и своего внука Дмитрия и даже — впервые в русской истории венчал его Мономаховым венцом; но потом передумал, наложил на внука опалу и отдал великое княжение своему младшему сыну Василию — уже без каких-либо торжественных церемоний. В объяснения своих решений Иван Васильевич не вдавался, лишь однажды гневно бросил недоуменной депутации псковичей, уже присягнувших Дмитрию: «Разве я не волен в своих детях и внуках? Кому хочу, тому и дам княжение».

Когда новому наследнику приспело время жениться, Иван Васильевич, не отступая от своих правил, начал приискивать ему невесту за границей и поручил своей дочери, польской королеве Елене, найти брату подходящую особу из какого-нибудь европейского королевского дома. Елена, однако, отписала

отцу, что дело это невозможное, так как на Западе не любят греческой веры, считают православных нехристиами, и вряд ли найдется государь, согласный отдать дочь за наследника московского князя. Тогда Иван Васильевич попытался повести дело о женитьбе сам и снесся с датским королем, своим постоянным союзником, в угоду которому он некогда воевал со Швецией. Но датский король, сделавшийся после Кальмарской унии со Швецией также и шведским королем, перестал нуждаться в московитском союзнике — Ивану Васильевичу пришлось выслушать непривычный для его уха отказ.

Делать было нечего, приходилось породниться с кем-нибудь из своих холопов. Страдавшее от такого унижения государево сердце утешил великокняжеский казначей Юрий Траханиот, один из греков, приехавших к московскому двору вместе с Софьей Палеолог. Он указал Ивану Васильевичу на примеры из византийской истории, когда императоры выбирали себе жену из девиц, собранных ко двору со всего государства, — взять хотя бы императрицу Ирину, которая таким образом выбрала невесту для своего сына Константина: подробный рассказ об этом содержится в житии святого Филарета Милостивого, чья внучка, Мария, и стала супругой молодого императора.

Иван Васильевич воспрянул духом. Замечания Траханиота суть дела, конечно, не меняли, но государева честь была спасена! Таким вот образом и случилось так, что к осени 1505 года Москва оказалась битком набита красавицами, трепещущими от близости необыкновенного счастья — великокняжеского венца. После придирчивого осмотра этого прелестного табунчика повивальными бабками признанные годными к продолжению великокняжеского рода предстали перед не менее разборчивым взором Василия. Траханиот надеялся, что выбор падет на его дочь, но вышло иначе: Василию приглянулась девица Соломония, дочь знатного московского боярина Юрия Константиновича Сабурова.

4 сентября того же года была сыграна свадьба. С тех пор этот, так сказать, стадный способ женитьбы вошел в обычай между московскими государями и держался почти двести лет, вплоть до царствования Петра I.

Свадебные торжества стали последним радостным событием в жизни Ивана Васильевича. Спустя полтора месяца после того он скончался. Василий беспрепятственно занял отеческий престол.

Проходили месяцы, годы, десятилетия, а великокняжеские палаты все не оглашались плачем новорожденного...

Василий тяжело переживал свою бездетность. К отчаянию мужчины добавлялась тревога государственного мужа. Отсутствие наследника грозило междоусобием московской державе: братья Василия, удельные князя Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий, могли вступить в кровавый спор за великокняжеский престол. Да и очень уж не хотелось Василию завещать державу брату! Наследование престола братьями, по старшинству, было бы возрождением удельных обычаев, в противовес многолетней самодержавной политике московских государей, истреблявших братьев и дядей мечом и моривших их в темницах, чтобы иметь возможность передавать престол своим детям. Стремясь снять с себя заклятие бесплодия, Василий не брезговал ничем, даже таким предосудительным для государя и христианина средством, как обращение к колдунам. Князь А. М. Курбский пишет, что Василий, «стар будущ, искал чаровников презлых отовсюду, да помогут ему ко плодотворению, не хотяще бо властеля быти брата его по нем, бо имел брата Юрья зело мужественного и добронравного».

В 1525 году Василий решил развестись с Соломонией. Мы не знаем всех обстоятельств, при которых возникло это решение. Не исключено, что здесь имела место интрига... Ближайшее окружение великого князя состояло из незначительных людей — дьяков, так как Василий опасался родовитого боярства. Особым доверием государя пользовался дьяк Иван Шигона-Поджогин. Эти люди, забравшие, к негодованию знати, все дела в свои руки, имели основания полагать, что в случае смерти бездетного Василия любой из удельных князей, занявший московский престол, наложит на них опалу. Активное участие Шигоны в деле о разводе говорит в пользу предположения о том, что ближнее окружение великого князя если не прямо повлияло на его намерение развестись с женой, то во всяком случае нашло такое решение вполне соответствующим своим интересам и всеми правдами и неправдами способствовало его осуществлению. Странная с церковной точки зрения позиция митрополита Даниила позволяет говорить о полном одобрении им затеянной при дворе интриги.

Как бы то ни было, приняв решение о разводе, Василий действовал быстро. Правда, на чьей совести лежит эта скоропалительность — самого великого князя или его окружения, — сказать трудно. Шигона и митрополит Даниил проявили усердие едва ли не чрезмерное... С фактической стороны дело выглядит так. В начале ноября 1525 года, по возвращении в Москву из ежегодного объезда своих владений, Василий созвал бояр и говорил им со слезами:

— Кому царствовать после меня в Русской земле, во всех городах и пределах? Братьям отдать их? Но они и своих уделов устроить не умеют!

Бояре, угадав мысли великого князя, отвечали:

— Государь, неплодную смоковницу отсекают и выбрасывают из сада!

Великий князь Василий III Иванович

Немедленно был учрежден розыск о неплодии Соломонии, чтобы освидетельствовать ее неспособность к рождению детей. Главными свидетелями выступили Юрий Траханиот и брат Соломонии, Иван Юрьевич Сабуров. В соответствии с показаниями последнего, дело было нечисто. Сабуров признался, что по просьбе сестры приводил к ней «женок и мужиков», умеющих чаровать и знающих заговоры на любовь и присушение. Одна такая колдунья, рязанская баба Степанида, осмотрев Соломонию,

вынесла приговор, что детей у нее не будет, но дала наговорную воду и велела умываться ею, а затем дотрагиваться мокрой рукой до белья великого князя, чтобы сохранить его любовь. Другая, «безноса черница», горячо рекомендовала натираться наговорным маслом и уверяла, что после этого Соломония не только приобретет любовь князя Василия, но и будет иметь от него детей. Странно, что показания Сабурова не повлекли за собой дальнейшего следствия о волхвовании на особу государя. А ведь это считалось чрезвычайно тяжелым преступлением, и во всех известных случаях подобного рода доказанное обвинение влекло за собой строгое наказание. Между тем для Соломонии оно не имело никаких последствий. Розыск удовлетворился одним удостоверением факта ее бесплодия. Похоже, следователи очень спешили...

Но получить одобрение боярской думы и подтверждение неплодия Соломонии означало сделать лишь полдела. Вопрос о разводе надлежало решить не великому князю, не боярам, а церковной власти. Церковные правила не допускали развода по причине бездетности того или другого супруга. Дело осложнялось еще и тем, что по церковной традиции в случае развода и дальнейшего неперемного пострижения жены муж также должен был принять схиму. Митрополит Даниил был готов закрыть глаза на очень и очень многое в церковных правилах и церковной традиции.

Но среди духовенства нашлись люди, смотревшие на дело иначе.

В то время во внутренней жизни Русской Церкви ощущалось значительное напряжение вследствие «нелюбок» между «осифлянами», сторонниками архимандрита Иосифа Волоцкого, и «нестяжателями», или «заволжцами», последователями заволжского старца Нила Сорского. Публичные разногласия между ними выливались главным образом в споры по поводу правомочности владения Церковью земельной собственностью и в пререкания о допустимости или недопустимости казни еретиков. «Осифляне» отстаивали право Церкви владеть селами и угодьями и наказывать еретиков, «нестяжатели» отрицали его. Если отвлечься от исторических форм, в которых протекал этот спор, станет понятно, что здесь сталкивались два религиозных замысла, две религиозные идеи, касающиеся самых начал и пределов христианской жизни и делания. Происходил первый

раскол в истории русской культуры, трагизм которого заключался в том, что в нем лицом к лицу со всей непримиримостью были поставлены *две правды* — правда социального служения, «общежительности» Церкви и правда аскетического созерцания, созидания христианской души. Для Иосифа Волоцкого монашеская жизнь была неким социальным тяглом, своего рода религиозно-земской службой, даже молитва исподволь служила у него делу справедливости и милосердия. Сам он ни в коем случае не был потаковником светской власти и бессердечным стяжателем мирских благ. Он собирал земные сокровища лишь для того, чтобы раздавать их нищим и убогим. Обитель как сиропитальница, как странноприимный дом — вот его идеал. Самого царя Иосиф включал в ту же систему Божьего тягла, определяя ее границы Законом Божиим и освящая неповиновение неправедному или «строптивому» царю, — ибо «таковой царь не Божий слуга, но диавол, и не царь, а мучитель».

В противоположность столь высоко и милосердно понятому монашескому служению Иосифа заволжское движение было прежде всего духовным опытом, аскезой и искусом духа, исканием безмолвия и тишины. «Мир, — писал Нил Сорский в одном из посланий, — ласкает нас сладкими вещами, после которых бывает горько. Блага мира только кажутся благами, а внутри исполнены зла. Те, которые искали в мире наслаждения, все потеряли; богатство, честь, слава — все минет, все опадет, как цвет. Того Бог возлюбил, кого изъял из мира (то есть иноков, монахов. — С. Ц.)». Для людей, исповедующих столь решительный уход из мира, монашеское «общежитие» Иосифа представлялось чересчур шумным и соблазнительным. И это во многом действительно было так. Правда преподобного Иосифа быстро потускнела у его преемников, его замысел побледнел и исказился в следующих поколениях «осифлян», у которых слово начало все чаще расходиться с делом, а дело — со справедливостью и милосердием. Однако и правда «нестяжателей» была неполной — преодоление мирских пристрастий оборачивалось у них некоторым забвением о мире, о его нужде и болезнях. Они не только отрекались от мира, но и отрицали его. Уходя из мира, они оставляли его «осифлянам» и предпочитали историческому деланию гневные, убедительные, но малодейственные обличения зла. Если кое-кто из них и оставался в миру, то лишь для того, чтобы проповедовать исход из него...

Василий, как и его отец, долгое время не позволял взять верх ни одной из борющихся сторон. В «нестяжательстве» его привлекала идея лишить монастыри их земельных владений; «осифляне» своей покладистостью в отношениях с княжеской властью обеспечивали ему неизменную поддержку Церкви во всех его начинаниях. Некоторые из «нестяжателей» благодаря близости к государю имели значительное влияние на церковную жизнь.

Митрополит Даниил, ученик Иосифа Волоцкого, не поколебался скомпрометировать своего учителя и свой сан и, вопреки ясному учению Евангелия и в противность всем церковным правилам, дозволил великому князю развод за одно неплодие супруги. В его оправдание можно сказать только то, что он действовал все-таки из государственных видов.

Вопрос о разводе был вынесен на собор с участием бояр и духовенства. Митрополит Даниил еще раз успокоил совесть Василия, сказав, что берет его грех на свою душу. Но тут против вопиющего беззакония возвысил голос инок Вассиан — бывший князь Василий Иванович Патрикеев, родственник великих князей московских. Вассиан был убежденный «нестяжатель», автор сочинений, направленных против Иосифа Волоцкого и монашеских злоупотреблений того времени, преимущественно против любожания (в частности, при исправлении Кормчей книги — свода церковных законоположений — он сделал сличение с греческим подлинником и обнаружил ошибки в славянском переводе, где словом «села» было переведено то, что в оригинале означало «угодья», то есть пашни, поля и так далее; таким образом он серьезно подорвал законность монастырского поместного владения). Едва ли, впрочем, этот «нестяжатель» не был большим лицемером; по крайней мере, о нем сохранилось свидетельство, что, живя в Симоновом монастыре, он «не изволил... брашна Симоновского ясти: хлеба ржаного, и варения от листа капустного, и от стебля свекольного, и каши... и млека промозглого, ни пива очистительного желудку монастырского не прияше... Яде же монах князь Вассиан приносимое ему брашно от трапезы великого князя: хлеба чисты, пшеничны, крупитчаты... рыб, и масла, и млека, и яйц... Пияше ж нестяжатель сей романею, бастр, мушкатель, ренское белое вино». Вот так препровождал князь Вассиан свою жизнь в монашестве и подвижничестве, с пшеничным хлебом и рейнским вином. Тем не менее великий князь

Василий очень уважал Вассиана за ученость и нравственную жизнь и любил выслушивать его мнения по разным вопросам. Вот и теперь, на соборе, государь спросил его, что он думает о разводе. Вассиан смело ответил:

— Ты мне, недостойному, даешь такое вопрошение, какого я нигде в Священном Писании не встречал, кроме вопрошения Иродиады о главе Иоанна Крестителя, — и далее сослался на евангельские и апостольские правила, запрещающие развод на основании неплодия.

Вместе с Вассианом свой голос против развода, как дела незаконного и бесовестного, подали почтенный благочестивый старец князь Семен Федорович Курбский, некогда прославившийся покорением Перми и Югры, и ученый монах Максим Грек. Однако в последующих прениях «осифляне» взяли верх: Василий получил разрешение на развод.

28 ноября Соломонию отвезли в московский Спасо-Рождественский монастырь на Рву и постригли. Скорее всего, пострижение было произведено против воли Соломонии. Находившийся в то время в Москве императорский посол Сигизмунд Герберштейн, оставивший после себя обстоятельные записки о Московии, сообщает, как представлялось это дело москвичам. Когда Соломонии начали остригать волосы, она голосила и плакала. Митрополит Даниил поднес ей монашеский куколь — она бросила его на пол и принялась топтать. Тогда дьяк Шигона ударил ее плетью.

— Так ты еще смеешь противиться воле государя и не слушать его повелений?

— А ты по какому праву смеешь бить меня? — вознегодовала Соломония.

— По приказанию государя!

— Свидетельствую перед всеми, — обратилась Соломония к присутствующим, — что не желаю пострижения и на меня насильно надевают куколь. Пусть Бог отомстит за такое оскорбление!

Вскоре ее отвезли на житие в суздальский Покровский монастырь.

Официальное известие «О пострижении великой княгини Соломонии», изданное в феврале следующего, 1526 года, толкует события иначе. Соломония выступает здесь инициатором развода и «нудит» (принуждает) супруга отпустить ее в монастырь;

а Василий совершает «подвиг», нарушая канонические правила ради блага подданных — возможности иметь наследника. Видя свое бесплодие, Соломония, как повествует автор, «начала молити государя великого князя Василия Ивановича всея Руссии, да повелит ей облещися во иноческий образ». Василий никак не хотел идти на беззаконие и отвергал ее мольбы и советы бояр. Тогда Соломония начала молить о том же митрополита Даниила — и умолила. Василий послушался отца своего духовного, митрополита, и позволил жене постричься.

Апологетическая направленность этого сочинения очевидна. Однако оно проливает свет на причины быстрого удаления Соломонии из Москвы: оказывается, к Соломонии в Спасо-Рождественский монастырь валом повалили соболезнующие посетители — «вельможи, сродники ее, княгини и боярыни». Значит, внешне покорствуя воле Василия, бояре отнеслись к его разводу неодобрительно. Центром оппозиции с неизбежностью должны были сделаться братья государя, удельные князья Юрий и Андрей.

Развод Василия с Соломонией явился важным в династическом отношении событием. Еще важнее было то, что вслед за этим последовало. А дальше события приобрели загадочный, почти детективный характер...

Вскоре по Москве распространился слух, что Соломонию постригли... беременной! Предоставим слово Герберштейну. «Вдруг возникла молва, — пишет он, — что Саломея (Соломония. — С. Ц.) беременна и скоро разрешится. Этот слух подтвердили две почтенные женщины, супруги первых советников, казначейщика Георгия Малого (Юрия Траханиота. — С. Ц.) и Якова Мазура (постельничего Якова Ивановича Мансурова. — С. Ц.), и уверяли, что они слышали из уст самой Саломеи признание в том, будто она беременна и скоро родит. Услышав это, государь сильно разгневался и удалил от себя обеих женщин, а одну, супругу Георгия, даже побил за то, что она своевременно не донесла ему об этом. Затем, желая узнать дело с достоверностью, он послал в монастырь, где содержалась Саломея, советника Федора Рака (дьяка Третьяка Михайловича Ракова. — С. Ц.) и некоего секретаря Потата (дьяка Григория Никитича Меньшого-Путятина. — С. Ц.), поручив им тщательно расследовать правдивость этого слуха. Во время нашего тогдашнего пребывания в Московии некоторые клятвенно утверждали, что Саломея

родила сына по имени Георгий, но никому не желала показать ребенка. Мало того, когда к ней были присланы некоторые лица для расследования истины, она, говорят, ответила им, что они не достойны видеть ребенка, а когда он облечется в величие свое (станет великим князем. — С. Ц.), то отомстит за обиду матери. Некоторые же упорно отрицали, что она родила. Итак, молва гласит об этом происшествии двояко».

Новые подробности встречаем в рукописи Гейденсталя «Московская история», переведенной на русский язык в 1741 году: «Когда при Дворе слух промчелся, якобы бывшая царица Соломея в монастыре непрадна и вскоре имеет родити, — царь Василий вскоре послал бояр и двух знатных дам, чтобы прямо освидетельствовать Соломею. Соломея же, егда услышала в Суздаль приезд их, зело убоялася и вышла в церковь в самый алтарь и, взяв за престол рукою, стояла, ожидая к себе посланных; и егда к ней придоша бояре и дамы, просили ее, чтобы она из алтаря к ним вышла. И она к ним выдти не хотела. И егда вопрошена, что имеет ли она быть непрадна, она им на то отвечала, что я со всякою моею надлежащею должностию и честию была царица и перед несчастьем своим за несколько времени стала быть непрадна от супруга моего царя Василья Ивановича и уже родила сына Георгия, который ныне от меня отдан хранитца в тайном месте до возрасту его; а где он ныне, о том я вам никак сказать не могу, хотя в том себе и смерть приму. Бояре же уразумели ее неправду, и дамы, осмотря ее, что она никогда не была непрадна, возвратились в Москву и обо всем поведали царю Василию, яко то все неправда и обман, и за то она еще далее сослана в ссылку».

Известия иностранцев о существовании сына Соломонии смыкаются с рядом русских источников и свидетельств. Так, в суздальском Покровском монастыре несколько веков жило предание о рождении у Соломонии в стенах монастыря сына и его смерти в младенческом возрасте. В «Историческом и археологическом описании Покровского девичья монастыря» И. Ф. Токмакова, изданном в XIX веке, говорится: «С правой стороны гробницы Соломонии находится полуаршинный памятник; как говорят, тут похоронен семилетний сын ее, родившийся в обители».

Долгое время все эти свидетельства о беременности Соломонии историки относили к области слухов и ничем не обоснованных домыслов. Однако все изменилось в 1944 году, когда директор суздальского музея А. Д. Варганов поднял

находившуюся рядом с гробницей Соломонии анонимную белокаменную плиту (официально это надгробие приписывалось малолетней царевне Анастасии Шуйской – дочери царя Василия Шуйского, даты рождения и смерти которой неизвестны и чье существование удостоверено лишь двумя вкладышами в монастырь, относящимися к XVII веку). Согласно протоколу, музейные работники обнаружили «небольшую погребальную колоду, покрытую изнутри толстым слоем извести. В ней оказались остатки детской рубашки и истлевшее тряпье без каких-либо остатков и следов костяка». Дальнейшее исследование установило, что рубашка принадлежала мальчику 3–5 лет, из высших слоев общества. В протоколе также указано, что «со всего этого материала сыпалась сухая земля, смешанная с мельчайшими блестками серебра. Обрывки тканей, металлические нашивки (на груди у ворота рубашки. – С. Ц.) и поясok были покрыты темно-коричневыми пятнами...». К сожалению, экспертиза этих предметов не была проведена, и что это за пятна, до сих пор остается неизвестным.

Так, версия о существовании сына Соломонии получила весомое подтверждение¹. Косвенным свидетельством в пользу его рождения может служить сохранившееся известие о возведении великим князем Василием в апреле 1527 года у Фроловских (Покровских) ворот обетной церкви (ныне не существующей) во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Следует заметить, что ни одно из фундаментальных исследований по истории Москвы не указывает причин возведения этого храма. А между тем все становится ясным, если вспомнить, что подобную обетную церковь Василий воздвиг и после рождения другого сына, Ивана Васильевича, – будущего Грозного. По свидетельству Герберштейна, Москва наполнилась слухами о беременности Соломонии, и Василий вряд ли стал бы столь явно подтверждать эти слухи в случае их беспочвенности.

Приблизительный расчет сроков беременности великой княгини не противоречит приведенным выше фактам. Согласно Постниковскому летописцу, Василий уехал в осенний объезд 10 сентября и вернулся в Москву 10 ноября 1525 года. Если Соло-

¹ Интересные исследования этого вопроса содержатся в работах Г. Григорьева («Кого боялся Иван Грозный? (К вопросу о происхождении опричнины)». М., 1998, с. 15 и сл.) и А. Никитина («Соломония Сабурова и второй брак Василия III»), откуда автор и берет систему аргументации в пользу существования сына Соломонии.

мония к тому времени уже была беременна, тогда становится понятной вся спешка в деле с разводом. Получают, между прочим, объяснение и содержащиеся в розыском деле о неплодии Соломонии ссылки на ее общение с чародеями — Шигоне и другим заговорщикам, уже знающим о непраздности великой княгини, важно было не допустить встречи Василия с женой, а забота о том, чтобы Соломония не «навела порчу» на государя, оказалась превосходным поводом к этому.

В апреле Православная Церковь празднует память четырех Георгиев: 4-го числа — преподобного, 7-го исповедника и митрополита Митиленского, 19-го исповедника и епископа Антиохийского и 23-го великомученика и Победоносца. В сочинении Григория Котошихина (XVII век), содержащем подробные сведения о быте московских государей, говорится, что при рождении младенцев в царской семье «дается... имя от того времени, как родится, сочтя вперед в восьмой день, которого святого день, и ему то ж имя будет». Поскольку обетная церковь была посвящена Георгию Победоносцу, получается, что сын Соломонии родился 15 апреля. Подтверждением этих подсчетов служат и две дарственные грамоты, выписанные Василием суздальскому Покровскому монастырю и Соломонии. Первая — на село Павловское — датирована 7 мая 1526 года, вторая — на село Вышеславское — 19 сентября того же года. После всего сказанного эти подарки выглядят отнюдь не беспричинными.

Наконец, существует еще один интересный документ — вкладная книга ростовского Борисоглебского монастыря, в которой имеется следующая запись: «По князе Юрье Васильевиче память априля в 22 день панахида пети и обедни служити собором, докуды и монастырь стоит». Как видим, поминание князя Юрия (Георгия) Васильевича помечено кануном празднования дня памяти Георгия Победоносца. Что это за князь? У Ивана Грозного был родной брат Юрий Васильевич, который родился 30 октября 1533 года, крещен 3 ноября того же года и умер 24 ноября 1563 года. Ни одна из этих дат никак не может дать повод поминать его в апреле, накануне дня памяти Георгия Победоносца, так как его ближайший день ангела 26 ноября. Ошибка в поминальной записи исключена. Получается, что перед нами еще один след сына Соломонии, Георгия, след, который царская семья стремилась тщательно замаскировать.

Почему? Потому что Георгий вскоре должен был исчезнуть — у великого князя Василия появился законный наследник.

Глава 2. МОЛИТВЕННЫЙ ПЛОД

Стамати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна...

*А. С. Пушкин.
Феодор и Елена*

Ровно через два месяца после пострижения Соломонии, 28 января 1526 года, князь Василий женился на литовской княжне Елене Васильевне Глинской.

Глинские вели свой род от «казака Мамаю» — потомка того самого хана Мамаю, с которым Дмитрий Донской бился на Куликовом поле. Перейдя на службу к великому князю Литовскому, он принял православие и за какие-то заслуги, вероятно немаловажные, был пожалован в князья Глинские. В XVI веке род Глинских уступал по значению только Рюриковичам и Гедиминовичам. Дядя Елены Васильевны, князь Михаил Львович Глинский, был одним из знатнейших и известнейших литовских вельмож (чего нельзя сказать об ее отце, Василии Львовиче Глинском, фигуре совершенно бесцветной и достойной упоминания лишь в качестве отца знаменитой дочери). Михаил Львович вырос «у немцев» — в Германии и Италии, был воспитан в европейских обычаях и долгое время служил у саксонского курфюрста; в Германии и Литве он пользовался громкой славой за свои военные подвиги. Будучи на службе у польского короля Сигизмунда-Августа, Михаил Львович поссорился с паном Яном Заберезским и требовал королевского суда над своим врагом. Но король не торопился: влияние Глинского в Литве было так велико, что Сигизмунд опасался, как бы он не овладел всем Литовским княжеством; поэтому король явно склонялся в споре двух панов на сторону Заберезского. Тогда Глинский напал на Заберезского в его усадьбе, отрубил ему голову, совершил набеги на владения других враждебных ему панов и перебил их. Затем Глинский поднял открытый мятеж, начал собирать войско и вступил в союз с крымским ханом Менгли-Гиреем и молдавским господарем. В Москве обрадовались такому повороту событий и пригласили

Глинского перейти на службу к московскому государю, суля великую милость и жалованье ему и всем его родным и приверженцам. В 1508 году Михаил Львович выехал в Московское государство. С собой он взял Василия Львовича и его многочисленную семью, которой покровительствовал. В Москве Михаил Львович не ужился: вначале его приняли с распростертыми объятиями, наделили селами в московской земле и двумя городами — Ярославлем и Медынью, а потом на долгие годы заточили в темницу по подозрению, что он хочет «отъехать» назад в Литву.

Елена родилась в Москве или была привезена сюда в младенчестве (год ее рождения неизвестен, но во всяком случае к 1526 году, когда она вышла замуж за Василия, ей вряд ли было больше восемнадцати лет: перезрелая девица не могла рассчитывать на такой брак). Россия сделалась ее родиной, русский язык — ее языком, однако культурные традиции в ее семье были не московские.

Почему выбор Василия остановился именно на Елене, сказать с точностью нельзя. Для Шигоны и ближайшего окружения государя это была приемлемая кандидатура, ибо Глинские не успели пустить корни в российской почве и не были связаны, как Соломония, с удельными князьями Юрием и Андреем и родовитым боярством. Елена могла быть креатурой советников великого князя. Однако Василий женился на ней не только из династических соображений: весьма вероятно, что он влюбился в нее. На это указывает прежде всего быстрота, с которой был совершен второй брак: можно предполагать, что знакомство Василия с будущей женой состоялось еще до его осеннего объезда 1526 года; отсутствие выбора невест, как это имело место в 1505 году, также говорит в пользу того, что Василий наметил себе вторую супругу задолго до развода с Соломонией. Наконец, обращает на себя внимание необычный для нравов того времени поступок Василия: после женитьбы он сбрил бороду, оставив себе по польской моде одни усы. Это был вызов не только бытовому, но и религиозным обычаям. Брадобритие приравнивалось ревнителями старины к еретичеству, к посягательству на образ Божий в человеке. В одном из современных благочестивых сочинений говорилось: «Смотрите, вот икона страшного пришествия Христова: все праведники одесную Христа стоят с бородами, а ошуюю бусурманы и еретики, обритые, с одними только усами, как у котов и псов. Один козел сам себя лишил жизни, когда ему в поругание обрезают бороду. Вот, неразумное животное умеет свои волосы

беречь лучше безумных брадобрейцев!» Мода, однако, брала свое, и в Москве появилось много записных щеголей, которые не только брили бороды, но и выщипывали себе волосы на лице, чтобы выглядеть более женоподобными; для этой же цели они обувались в расшитые шелком красные сапоги, до того узкие, что ноги в них болели, пришивали к кафтанам драгоценные пуговицы, вешали на шею ожерелья, унизывали пальцы перстнями, мазались благовониями и, подражая женским манерам, ходили короткими шажками, подмигивали при разговоре. Один летописец неуклюже оправдывает вызывающий поступок Василия: «Царям подобает обновляться и украшаться всячески». Однако с чего бы это вдруг Василий на старости лет заделался щеголем? Его действия уж очень походят на желание до беспамятства влюбленного пожилого мужчины угодить молодой жене.

Свадьба была сыграна по московскому обряду того времени. В средней царской палате устроено возвышенное место, обтянутое бархатом и камкой, с широкими изголовьями, на которые положено было по сороку соболей (соболя тогда считали связками по сорок штук). Перед возвышением стоял накрытый скатертью стол, с калачами и солью. У жениха был свой свадебный поезд — свадебный тысяцкий с боярами (тысяцким был брат Василия, князь Андрей Старицкий) и дружка со своими боярами; у невесты свой — жена тысяцкого, дружка, свахи и боярин. Перед торжеством Елену облачили в свадебное платье в ее покоях. По приглашению великого князя невеста со своими боярынями прошествовала в среднюю палату. Перед ней несли свечи и каравай, усыпанный золотыми монетами. Елена села на приготовленное место, а рядом с ней, на пустовавшее пока место великого князя, посадили ее младшую сестру Анастасию; боярыни расселись на лавках. Вошел другой брат Василия — князь Юрий Дмитровский с боярами и, рассадив их, послал за женихом, который ожидал в брусняной столовой избе. Василий вошел со своим свадебным поездом, поклонился образам, потом приподнял Анастасию и сел рядом с невестой. Священник прочитал молитву и зажег богоявленской свечой обручальные свечи, перевязанные соболями. Жена тысяцкого расчесала волосы жениху и невесте и возложила на голову Елене свадебную «кику» с навешенным на ней покровом, после чего осыпала великого князя хмелем из большого золотого блюда. Дружка великого князя раздал молодым и гостям угощения, а дружка невесты — ширинки.

Спустя малое время Василий отправился со своими боярами в церковь к венчанию, оставив на своем месте сорок соболей. Вслед за ним туда же отправилась и Елена со своими поезжанами; все они ехали на санях, а перед санями Елены несли свечи и каравай. В Успенском соборе митрополит Даниил совершил обряд венчания. Когда после того молодым по обычаю поднесли вино, Василий, выпив, бросил свою скляницу на пол и растоптал осколки; никто из присутствующих не смел ступить на них ногами. Молодые вернулись во дворец тем же порядком порознь. Свечи и каравай были унесены в великокняжескую опочивальню и поставлены у изголовья постели в кадку с пшеницей. Опочивальня, где предстояло провести ночь молодым, называлась сенник, поскольку постель приготавливалась на тридевяти снопах; эта комната была обита богатыми тканями, а по четырем ее углам воткнуты стрелы, с каждой из которых свисало по сороку соболей; под стрелами на лавках стояли енды с медом.

Василий со своим поездом на обратном пути из собора объехал монастыри и, вернувшись во дворец, пригласил невесту с ее поездом к столу. Конь, на котором он объезжал монастыри, был передан конюшему, в чьи обязанности входило ездить на нем в продолжение свадебного пира и всей ночи под окнами спальни с обнаженной саблей. Во время праздничного стола перед новобрачными поставили жареную курицу; ближе к ночи дружка обернул ее скатертью и унес в спальню — это послужило знаком к тому, что невеста должна отправиться в опочивальню. Вслед за Еленой поднялся великий князь, перед которым понесли икону. У постели жена тысяцкого, облаченная в две шубы, осыпала новобрачных пшеницей из кадки. Молодые остались одни...

На другой день Василий ходил в мьельню. Для сопровождения государя были наряжены знатные особы, и в их числе молодой Иван Телепнев-Оболенский, который должен был «колпак держать, с князем в мьельне мыться и у постели с князем спать». Присутствие в свадебном чине этого человека стоит отметить, потому что в самом скором времени ему предстояло занять видное место возле Елены.

Женитьба Василия на Елене не сразу сказалась на судьбе князя Михаила Львовича Глинского. Его заточение продолжалось еще некоторое время, и только по усиленным просьбам жены Василий выпустил строптивного князя на свободу. Зато

теперь на прошлое князя Глинского были закрыты глаза, и он занял место среди ближайшего окружения государя.

Василий постарался освятить новый брак молитвой о чадородии. Через месяц после свадьбы, при назначении в Новгород архиепископом своего любимца архимандрита Можайского монастыря Макария, он поручил ему, как приедет в паству, «в октеньях молити Бога и Пречистую Богоматерь и чудотворцев о себе и своей княгине Елене, чтобы Господь Бог дал им плод чрева их». Подобные молитвы читались не только в Новгороде, но и во всех русских церквах.

В конце 1526 года великокняжеская чета совершила богомольный поход в Тихвин к иконе Тихвинской Богоматери, где приехавший туда же архиепископ Макарий три дня и три ночи молился «о здравии и о спасении (государя. — С. Ц.) и чтобы ему Господь Бог даровал плод чрева...».

С подобной же молитвой Василий посетил монастыри в Переяславле, Ростове, Ярославле, Спасов-Каменный монастырь на Кубенском озере, Кирилло-Белозерскую обитель, всюду устраивая братии «велие утешение» и раздавая милостыню нищим; из монастырей доставляли ему и его жене освященный хлеб и квас. Однако все было напрасно — великая княгиня Елена никак не могла почувствовать блаженную тяжесть во чреве.

Василий был растерян и подавлен. Видимо, он начал раскаиваться в своем поступке с Соломонией... Тех из его окружения, кто советовал ему развестись с первой женой, постигла опала. Во всяком случае, имя дьяка Шигоны исчезает из летописей и документов сразу после свадьбы Василия с Еленой и вновь появляется лишь в 1530 году после рождения у великого князя наследника — будущего Ивана Грозного, причем отмечено, что Шигона выпущен из «нятства», то есть из тюрьмы. Эта опала хорошо объясняется той ролью, которую играл не в меру усердный дьяк в пострижении Соломонии и умолчании о ее беременности. Подобным же образом в эти годы перестает упоминаться имя митрополита Даниила; а инок Вассиан, Максим Грек и другие «нестяжатели», сказавшие Василию так много досадных слов о разводе, тем не менее благоденствуют, избегнув всяких опал. Если учесть, что в 1527 году Василий воздвигает обетную церковь во имя Георгия Победоносца и дарит Соломонии и суздальскому Покровскому монастырю села, то можно смело предположить, что, не получая доказательств бере-

менности Елены Глинской, Василий готовился к тому, чтобы признать наследником сына Соломонии.

Между тем Василий продолжал свои паломнические поездки, прося молитв у самых известных угодников Божиих. В нем все еще теплилась надежда о законном сыне. Архиепископ Макарий свидетельствует, что великий князь «не умалял подвига своего в молитве, не сомневался от долговременного своего бесчадства, не унывал с прилежанием просить, не переставал расточать богатства нищим, путешествуя по монастырям, воздвигая церкви, украшая святые иконы, монахов любезно успокаивая, всех на молитву подвизая, совершая богомольные походы по дальчайшим пустыням, даже пешком, вместе с великой княгиней и боярами; всегда на Бога упование возлагая, верою утверждаясь, надеждою веселясь... желаше бо попремногу от плода чрева его посадити на своем престоле в наследие роду своему».

На четвертом году супружества, по совету «осифлян», желавших укрепить свои позиции, Василий с женой с особой верой прибегли к заступничеству преподобного Пафнутия Боровского. В Переяславле в то время строил монастырь преподобный Даниил, ученик Пафнутия Боровского. Василий посетил святого старца и пожертвовал на каменную церковь во имя Святой Троицы, прося преподобного молиться о даровании ему чада. И — о чудо! — Господь наконец внял стенаниям супругов и «разверзе союз неплодства их». 25 августа 1530 года на свет появился наследник Иван Васильевич — *молитвенный плод*.

Вмешательство небесных сил для части современников было несомненно. Еще в 1584 году Рязанский епископ Леонид свидетельствовал перед царем Федором Ивановичем, сыном Грозного, как о деле хорошо известном, что «по прощению и по молению преподобного Пафнутия чудотворца дал Бог наследника царству и многожеланного сына отцу». Особая роль этого святого для великокняжеской семьи подтверждается и тем, что восприемниками новорожденного от купели были избраны ученики преподобного Пафнутия — Даниил Переяславский и Кассиан, прозванный Босым. Кроме того, рождение Ивана сразу усилило позиции «осифлян», так как именно по их совету Василий прибег к заступничеству преподобного Пафнутия. Государь припомнил Вассиану Патрикееву и Максиму Греку их сопротивление его воле и в 1531 году позволил «осифлянам» совершить над ними соборное осуждение за еретические мнения. Иноки

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru